

Пройдя через горнило великой битвы за Мэнлянь, Чжэнь Вэньцзюнь и А-Синь поначалу сменили былую неприязнь на глубокое взаимное уважение. Однако после того яростного спора они вновь вернулись в состояние скрытой вражды. Теперь, даже случайно сталкиваясь друг с другом, они принципиально не обменивались ни единым словом.

Тем временем уцелевшие отряды Чунцзиня восстанавливали силы в уезде Пин на протяжении сорока дней. После этого их верховный вождь Хаэрцы во главе трёхсот тысячного войска и с колоссальными запасами провианта выступил со всеми силами, намереваясь повторно сокрушить Мэнлянь.

Кочевники держали Мэнлянь в плотной осаде уже больше месяца. Уезд Цзе находился всего в сотне ли от передовой, и с утра до ночи оттуда ежедневно прибывало не меньше десятка военных донесений, однако среди них не было ни одной вести о победе. А-Синь и Чжэнь Вэньцзюнь во главе своих отрядов насмерть удерживали стены и за целый месяц отчаянных боёв так и не позволили чунцзинцам прорваться внутрь. Воины Чунцзиня штурмовали город с великим трудом, но защитникам и мирным жителям Мэнляня приходилось во сто крат тяжелее. И всё же ни одна из сторон не смела отступить назад ни на единый шаг.

Когда вести о тяжелейших боях докатились до уезда Цзе, Ли Цзюй, радующийся победе всего несколько дней, вновь погрузился в панику и растерянность. Главный евнух, невероятно гордый своей былой проницательностью, то и дело зудел над ухом императора: «Вот видите, Ваше Величество, какое счастье, что мы не вернулись в Мэнлянь! Иначе сейчас сидели бы там в глухой осаде в мышеловке».

Ли Цзюй и сам прекрасно понимал, что у Чунцзиня осталось не так много провианта. Пока Мэнлянь держится, рано или поздно кочевники будут вынуждены отступить. Однако, отойдя назад, они смогут укрепиться в трёх северных округах для передышки и снабжения. Великая Юй не имела права давать врагу время на восстановление сил. Если они соберут достаточно зерна и вновь обложат крепость, удерживать Мэнлянь в следующий раз будет в десять раз труднее, чем сегодня.

Ли Цзюй отдал строгий приказ: отныне сам он будет принимать пищу лишь раз в день, а все прислуживающие ему слуги, евнухи и личные телохранители обязаны жёстко экономить на еде и одежде, чтобы копить излишки пайков и отправлять их на передовую для поддержки воюющих солдат. Более того, он издал именной рескрипт, призывая жителей уезда Цзе и окрестных уездов сделать всё возможное и пожертвовать провиант для бойцов на фронте, пообещав щедрые награды от двора, как только враг будет отброшен.

Вот только все доступные запасы зерна в уезде Цзе были дочиста выгреблены и отправлены в Мэнлянь ещё полмесяца назад. Местные жители сами пухли от голода, и, несмотря на громкие обещания Ли Цзюя, выжать из них не удалось бы и десятка телег риса. Евнухам с превеликим трудом удалось собрать хоть что-то. Они подчистую ободрали кору со всех деревьев в радиусе нескольких ли вокруг и, перемолов её, состряпали двадцать повозок грубой муки. Командир гвардии Ся Цзин лично повёз этот груз в Мэнлянь, чтобы продемонстрировать воюющим войскам великую заботу Сына Неба.

Пока Ли Цзюй не находил себе места от тревоги в тылу, будучи способным лишь бессильно сокрушаться, из столицы Жунин неожиданно прибыло тайное послание. В нём сообщалось, что наложница Хуэй-фэй разрешилась от бремени и подарила Великой Юй новорождённого принца.

Ли Цзюй долго всматривался в строки, пытаясь убедиться, что глаза его не обманывают. Принц! Родился сын! Поистине, Небеса хранят Нашу Великую Юй!

В самом конце письма Ли Цзюй наткнулся на ещё одно известие. Заточённая в Холодном дворце Фэн Си тоже родила. Она разродилась чудовищем, уродцем с заячьей губой!

При слове «чудовище» сердце Ли Цзюя болезненно сжалось, но вслед за этой болью его охватило невероятное облегчение. Он ликовал от осознания того, насколько правильным и точным было его прошлое решение. Не прояви он тогда жёсткую решимость и не лиши её титула императрицы, то как теперь, когда это уродливое создание явилось на свет, объявлять его наследником престола? Это гарантированно стало бы очередным мощным козырем для Ли Яньи, которая тут же обвинила бы его в слабоумии и фатальных ошибках!

Ли Цзюй немедленно издал новый указ: возвести наложницу Хуэй-фэй в ранг законной императрицы, а её новорождённого сына провозгласить наследным принцем Великой Юй. Пышную торжественную церемонию по этому случаю он повелел устроить сразу по своём возвращении в Жунин!

Едва указ был скреплён печатью и отправлен, Ли Цзюй велел евнухам спешно паковать сундуки. Он намеревался немедленно мчаться обратно в Жунин!

Новость о том, что император бросает фронт и возвращается в столицу, со скоростью молнии долетело до ушей А-Синь. С трудом удерживавшая оборону города на протяжении стольких дней, А-Синь наплевала на всё. Поручив Го Сяо оборону стен, она лично помчалась в уезд Цзе и прямо у городских ворот жёстко преградила путь конному экипажу Ли Цзюя.

– Дерзость! Как ты смеешь преграждать путь императорской процессии?! Ведаешь ли, какая кара положена за такое преступление?! – во весь голос вопил главный евнух.

А-Синь преклонила колени на землю, но в её облике не было ни капли страха. Она звучно и отчётливо произнесла:

– Вашему Величеству не должно покидать северный фронт в этот критический час! Стоит вам уехать, и неважно, по какой причине, как боевой дух армии мгновенно рухнет. Ослабевшие войска вряд ли смогут сдержать неистовый натиск Чунцзиня! А если Мэнлян снова падёт, то смертельная опасность тут же нависнет над самой столицей Жунин! Убедительно прошу Ваше Величество поставить во главу угла интересы государства!

Ли Цзюй изнутри повозки отчётливо слышал каждое слово девицы Се.

В его памяти до сих пор были свежи воспоминания о том, как по вине коварных интриг Ли Яньи у Фэн Сии случились тяжёлые роды, которые привели к появлению на свет мёртвого младенца. Стоило Ли Цзюю подумать, что его новорождённый, с таким трудом обретённый наследник сейчас находится под самым носом у ненавистной Старшей Принцессы, как его сердце затапливала жгучая тревога, начисто лишая способности мыслить здраво. Он был одержим лишь одним желанием: как можно скорее мчаться в Жунин. Однако резкие, честные слова А-Синь в один миг отрезвили его разум. Если Мэнлянь падёт, железная конница варваров без труда ворвётся прямо в Запретный город столицы. О каком тогда принце, о каком наследнике и о каком будущем Великой Юй вообще будет идти речь?

Пока евнух продолжал истощно ругать А-Синь, Ли Цзюй лично вышел из повозки. Горько вздохнув, он произнёс:

– Барышня Се права. Мы не имеем права уезжать сейчас. Мы - незыблемый столп, удерживающий боевой дух этой армии. Огромное множество воинов на передовой находят в себе мужество идти на смерть и держать оборону Мэнляня лишь потому, что помнят о Нашем присутствии. Мы не можем бросить их на произвол судьбы ради эгоистичного желания поскорее увидеть Нашу императрицу и новорождённого принца.

– Но, Ваше Величество, вы также крайне нужны столице Жунин! – взмолился евнух. Он уже был сыт по горло этим суровым северным краем и, когда накануне услышал о скором отбытии императора, от радости не спал всю ночь. И надо же, теперь, когда они уже готовы были тронуться, откуда ни возьмись выскочила эта полоумная девка и сорвала все планы! Ну как тут было смолчать? Евнух без умолку принялся приводить новые доводы, пока Ли Цзюй, окончательно устав от его зудёжа, резко не прикрикнул на него, взмахнув рукавом:

– Довольно! Ни слова больше! Поворачивай назад! Мы остаёмся здесь, чтобы укрепить дух Наших войск!

Экипаж развернулся обратно во двор. Евнух едва не задыхался от бессильной злобы, буравя А-Синь ледяным, ненавидящим взглядом. Самой же А-Синь до его гримас не было решительно никакого дела. Она сухо отдала приказ своим доверенным гвардейцам: занять посты по всему уезду Цзе и ни под каким предлогом не выпускать Сына Неба из города без её личного разрешения.

С этого момента куда бы ни направлялся высокопоставленный слуга престола, повсюду за ним тенью следовали дюжие, плечистые стражи из личной гвардии Се, не отставая ни на единый шаг. Сама уездная управа оказалась взята в глухое кольцо оцепления, так что евнух не мог даже носа высунуть за ворота резиденции.

– Да что вы себе позволяете, ничтожества?! – вконец обезумев от ярости, евнух подскочил к стражам и, тыча в них пальцем, закричал:

– Знаете ли вы вообще, кто я такой?! И ведаете ли, какая высокопоставленная особа поживает в этих покоях?!

- Знаем, - бесстрастно отозвался гвардеец А-Синь. - Именно потому, что знаем, мы и несём здесь круглосуточную стражу. Госпожа А-Синь лично поручила нам оберегать священную безопасность Сына Неба, не отходя от него ни на шаг. За стенами города сейчас слишком опасно, и если вы вздумаете покинуть уезд Цзе...

Не дав ему договорить, разъярённый евнух резко замахнулся и влепил воину звонкую пощёчину. Удар пришёлся словно по монолитному куску твёрдого дуба, и у самого слуги ладонь мгновенно онемела от боли. Гвардеец же даже не шелохнулся. Выдержав короткую паузу, он ровным, леденящим тоном закончил фразу:

- ...то нарушители будут немедленно караться по законам военного времени.

- Военного времени?! Ты смеешь лепетать про свои вшивые законы перед лицом самого императора?! - евнух в панике задрал голову к небу, выкрикивая обвинения:

- Вы не просто дерзнули взять под стражу самого Сына Неба, вы ещё угрожаете ему карой военного трибунала?!

На щеке гвардейца явственно проступали багровые следы от пяти пальцев, однако он сохранял абсолютное спокойствие. Медленно вскинув руки, он почтительно соединил ладони перед лицом в традиционном военном приветствии:

- Перед лицом Сына Неба мы, разумеется, не смеем и заикаться о законах. Однако когда дело касается всех прочих...

С этими словами он наконец поднял глаза, которые до этого держал опущенными в землю. Его взгляд, устремлённый на евнуха сквозь сложенные ладони, медленно наполнился такой первобытной, хищной свирепостью, какая бывает лишь у тигра, готовящегося к смертельному прыжку на жертву.

Сердце евнуха от этого взгляда бешено заколотилось в груди, а душа ушла в пятки.

- Д-дерзость... какая неслыханная дерзость! - пролепетал он, внезапно почувствовав реальную, смертельную угрозу. Не смея больше проронить ни слова, он трусливо попятился назад в глубь управы. Чем дальше он размышлял о случившемся, тем сильнее его охватывали страх и уязвлённая обида. Заливаясь слезами от унижения, он побежал напрямик к Ли Цзюю жаловаться на обнаглевших солдат.

Сам же Ли Цзюй в это время проводил ночи напролёт без сна, лихорадочно штудирова древние военные каноны и свитки по стратегии. Поначалу ему казалось, что многие из описанных тактических приёмов выглядят блестяще и вполне применимы на практике. Однако стоило ему перелистнуть ещё несколько страниц, как в следующем же историческом трактате он наткнулся на детальный разбор того, как именно эта уловка была с треском сокрушена противником, и план мгновенно терял всякую надёжность.

Да что за вздорные, лживые книжонки, написанные ради пустой славы! - мысленно вскричал император, швыряя свиток на стол.

В порыве гнева Ли Цзюй одним махом сбросил всю кипу со стола на пол. Он никак не мог совладать с кипевшей внутри яростью, когда в покои с плачем и криками ворвался главный евнух, спеша доложить об обиде. Ли Цзюй не проронил ни слова, безучастно позволяя слуге изливать свою истерику. Однако спустя время евнух внезапно осёкся, заметив, что император смотрит на него точно таким же леденящим, волчьим взглядом, каким только что смотрел гвардеец А-Синь. Словно ужаленный, слуга престола мгновенно отпрянул от Ли Цзюя и попятился к выходу. Побыв какое-то время в одиночестве, император один за другим подобрал с пола разбросанные свитки и вновь принялся читать, из последних сил заставляя себя вникнуть в суть написанного.

Между тем оборонительное сражение за Мэнлян шло с неописуемым, жестоким трудом для обеих сторон. А-Синь, невзирая на терзавшую всё её тело жгучую боль от множества ран, сцепив зубы, стояла насмерть, а крепостные ворота по-прежнему оставались неприступными.

Поняв, что Мэнлян не взять, и получив известие о том, что сам император Великой Юй закрепился в тылу в уезде Цзе, вождь Хаэрцы наконец осознал, откуда в этих китайцах взялась столь яростная и непреклонная стойкость.

Тогда Хаэрцы пошёл на хитрость. Продолжая яростно штурмовать Мэнлян, чтобы намертво сковать боем и отвлечь основные силы защитников, он выделил пятидесятитысячный отряд конницы. Под покровом глубокой ночи эти войска вброд форсировали реку, обошли Мэнлян с фланга и скрытно устремились напрямик к уезду Цзе, намереваясь взять императора Ли Цзюя живьём.

Ведь если Сын Неба окажется в их руках, то варвары получают не просто Мэнлян, под их контролем окажется вся Великая Юй.

Пусть в уезде Цзе и были возведены первичные укрепления, а безопасность Ли Цзюя оберегали элитная гвардия Хубэнь и личные отряды А-Синь, общая численность разбросанных в городе войск составляла всего шесть тысяч. К тому же уезд Цзе оставался крошечным, открытым поселением, и его наспех насыпанные земляные валы физически не могли сдержать ночной натиск огромной лавины врага.

Всего за два часа яростного штурма пятидесятитысячная армия Чунцзиня заставила ворота уезда Цзе ходить ходуном и трещать по швам. Едва А-Синь получила экстренное донесение о смертельной угрозе тылу, она немедленно сняла часть сил и помчалась на выручку к уезду Цзе, перед уходом полностью передав бразды правления и командование стенами Го Сяо и Чжэнь Вэньцзюнь.

- Вождь Хаэрцы гарантированно воспользуется моим уходом и бросит войска на яростный штурм, надеясь одним махом сокрушить Мэнлян! Ни в коем случае не недооценивайте врага! Мэнлян ни за что, слышите, ни за что нельзя отдавать!

Го Сяо опустился на одно колено и громогласно поклялся:

- Пока живы люди - город будет стоять! Ступайте со спокойным сердцем, госпожа, спасайте императора!

Поднимая его с колен, А-Синь бросила мимолётный взгляд на Чжэнь Вэньцзюнь, и та наконец прервала молчание, твёрдо произнеся:

- Иди уже. Здесь всё под моим присмотром.

А-Синь во главе отряда вихрем помчалась на выручку, однако на этот раз прямолинейные кочевники, всегда шедшие напролом, тоже научились устраивать засады. На полпути к уезду Цзе конница А-Синь угодила под мощный удар скрытого заградительного отряда чунцзиньцев. Завязался кровопролитный, изнурительный бой, и пробиться к осаждённому императору в назначенный срок стало почти невозможно. Однако Чжэнь Вэньцзюнь ещё до того, как в лагерь пришла весть о засаде, вместе с Цзо Куньда во главе трёх тысяч лёгких всадников тайно выступила следом. Зайдя кочевникам глубоко в тыл, они совершили стремительный фланговый обход и обрушились на устроивших западню степняков, застав их врасплох. Зажав врага в стальные тиски одновременным ударом с фронта и тыла, они подчистую истребили весь засадный полк Чунцзиня.

В этот раз Чжэнь Вэньцзюнь сумела просчитать то, что упустила из виду сама А-Синь. Разбирая позже этот бой в памяти, А-Синь испытывала весьма смешанные чувства, не зная, плакать ей или смеяться. Ведь Чжэнь Вэньцзюнь не просто заранее разгадала коварный замысел варваров, но и без тени сомнения использовала её собственный отряд в качестве живой приманки, чтобы гарантированно уничтожить врага.

Она пришла к выводу, что Чжэнь Вэньцзюнь, несмотря на весь свой радикальный и упрямый нрав, обладает поразительной для столь юных лет хладнокровной рассудительностью. В критический момент эта девушка была способна мгновенно читать поле боя и принимать молниеносные, сокрушительные решения. Это качества, присущие далеко не каждому стратегу. Что же касается Цзо Куньда, то он проявил себя как гениальный мастер разведки, умудрившись трижды проникнуть в самое сердце вражеского лагеря чунцзиньцев и вернуться обратно абсолютно незамеченным. А-Синь понимала, что в будущем этих двоих великих тактиков ждут поистине великие дела.

Из-за устроенной засады А-Синь потеряла драгоценное время и лишилась множества бойцов. Когда её поредевшая гвардия, потерявшая больше половины состава, с трудом пробилась к уезду Цзе, перед их глазами предстало жуткое зрелище. Весь город был завален трупами, повсюду кипела жестокая бойня, а от шести тысяч защитников уезда не осталось почти никого. Ли Цзюй под охраной евнухов и гвардии Хубэнь несколько раз пытался прорвать кольцо окружения, но так и не смог нащупать брешь и всякий раз был вынужден отступать назад.

В тот самый миг, когда армия Чунцзиня уже готова была стереть крошечный уезд Цзе в

порошок, в город с боем прорвались уцелевшие воины А-Синь. Объединив силы с командиром гвардии Ся Цзином, они спешно разработали стратегию отвлечения внимания. Гвардейцы А-Синь взяли на себя задачу связать врага боем и отвлечь его основные силы, пока Ся Цзин под шумок выводил Сына Неба за пределы уезда Цзе.

Из двух тысяч воинов Хубэнь в живых осталось едва ли полтора десятка человек, но они совершили невозможное и вывели Ли Цзюя из города. Ся Цзин, чья спина была сплошь утыкана вражескими стрелами, а боевой конь убит, был вынужден бросить повозку. Увлекая за собой Ли Цзюя, они пешком бросились бежать по глухим диким тропам.

Во время прорыва из осаждённого города Ли Цзюй воочию узрел неописуемые ужасы войны. Бесчисленные тела его подданных лежали вдоль дорог с отрубленными головами, а некогда мирное поселение превратилось в дымящиеся руины.

Его народ, его родную страну варвары безжалостно топтали копытами коней, а он, император, трусливо бросал крепость и спасался бегством.

В его груди всё ещё теплились те великие амбиции, с которыми он отправлялся в этот карательный поход. Но что он сделал, добравшись до фронта? Только и знал, что бегство, бесконечное бегство.

Он до сих пор помнил рассказы матери о великом императоре У, чья сокрушительная армия гнала и истребляла врагов на десятки тысяч ли вокруг. С самого детства император У был для Ли Цзюя главным кумиром, идеалом правителя, на которого он страстно мечтал походить. Он ведь тоже хотел лично вести войска в бой, вышвырнуть кочевников за пределы государства и подарить своим подданным мир и покой.

Но сейчас? Сколько людей уже сложило свои головы лишь ради того, чтобы спасти его шкуру?

Правитель рождён не для того, чтобы прятаться за чужими спинами. Он и только он обязан быть щитом и мечом, защищающим Великую Юй!

- Назад.

Ли Цзюй внезапно замер как вкопанный и резко выдохнул это слово. Покрытые копотью, израненные солдаты в полнейшем изумлении уставились на него, решив, что ослышались от усталости.

- Возвращаемся. Мы не можем бежать, - Ли Цзюй указал рукой в сторону полыхающего в огне уезда Цзе. - Мы останемся здесь и защитим наших подданных! Назад!

Глаза А-Синь застилала кровь, её длинный меч был багровым от острия до эфеса, а растрёпанные волосы бешено развевались на ледяном ветру. Она едва стояла на ногах от дикого изнеможения, когда заметила группу людей, стремительно бегущих со стороны. Решив, что это прорвавшиеся чунцзиньцы, она уже вскинула клинок для смертельного удара, как вдруг до её ушей долетел крик Ся Цзина, чьё лицо от копоти было чернее угля:

– Это Его Величество!

А-Синь, чьё сознание уже начинало мутиться, из последних сил сфокусировала взгляд и обомлела. Перед ней действительно стоял Ли Цзюй.

– Вы... зачем вы вернулись?! – она никак не могла поверить, что этот трусливый человек способен на подобный шаг.

Ли Цзюй решительно шагнул вперёд, вырвал меч из рук ошеломлённой А-Синь и, подхватив полы своего церемониального драконьего халата, спотыкаясь, взбежал по ступеням на самую вершину оборонительной стены. Встав на господствующей высоте, он во всё горло закричал:

– Воины! Мы здесь, вместе с вами! Уезд Цзе не будет сдан, Мэнлян не будет потерян, Великая Юй никогда не падёт перед врагом! Соберите всё своё мужество и по Нашему приказу идите в бой! Уничтожьте этих проклятых варваров!

Появление Сына Неба, которого солдаты до этого знали лишь по слухам и никогда не видели лично, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Боевой дух двух тысяч уцелевших воинов взлетел до небес. Теперь они твёрдо знали, за что проливают кровь и ради кого идут на смерть. Напрягая последние, сверхчеловеческие силы, они сомкнули ряды в монолитную живую стену и мощным контрударом напрочь смели воинов Чунцзиня с оборонительных валов.

Все последующие попытки кочевников прорваться внутрь города раз за разом терпели сокрушительный крах.

Глядя на беспримерный героизм своих воинов, Ли Цзюй зашёлся в безудержном, ликующем смехе.

Вот она - Наша империя, вот они - Наша земля и Наш народ! Пока Мы живы, Мы не позволим никому безнаказанно топтать Нашу родину!

– Круши-и-их!.. – Ли Цзюй вскинул клинок к небесам, но не успел до конца выкрикнуть приказ, как пущенная из темноты шальная ледяная стрела с глухим стуком насквозь прошла его живот.

Ли Цзюй изменился в лице, его тело покачнулось, и он сделал несколько шагов назад. Стоявшие под стеной евнухи и гвардейцы Хубэнь смертельно перепугались. Видя, что император

вот-вот сорвётся вниз, они тут же сцепили руки, пытаясь соорудить живую сеть, чтобы поймать его своими телами.

Каким бы ветхим ни был этот земляной вал, его высота всё равно составляла несколько сажень, и рухнул он оттуда, гарантированно разбился бы насмерть, да вдобавок увлёк бы за собой в могилу ещё несколько человек.

Но в самую отчаянную, роковую секунду падающее тело Ли Цзюя вдруг застыло.

Кто-то успел мёртвой хваткой перехватить его.

Снизу, из-под стены, из-за угла обзора никто не мог разглядеть, чья именно рука удержала Сын Неба, однако это было неважно. Главное, что жизнь императора была спасена!

Но не успели люди внизу вздохнуть с облегчением и возликовать, как этот безвестный спаситель внезапно разжал пальцы.

Под общий испуганный вопль Ли Цзюй перевернулся в воздухе и полетел спиной вниз, падая точно на голову главному евнуху. Тот с истошным криком попытался было отскочить в сторону, но кто-то сзади сильным толчком швырнул его прямо вперёд, подставив в качестве живой подушки под падающего императора.

– Ваше Величество!.. – солдаты толпой бросились к месту падения, поспешно подхватив оглушённого Ли Цзюя на руки, и под надёжным прикрытием щитов поволокли его в сторону уездной управы. Евнух же был раздавлен насмерть прямо на месте, и его труп так и остался лежать в грязи. Убирать его всё равно было некому.

А-Синь ворвалась на вершину стены, но там уже никого не было.

В ту же минуту началась новая волна штурма Чунцзиня. Бесчисленные свирепые воины кочевников, взобравшись друг другу на плечи, соорудили живые лестницы и начали массово карабкаться на валы. А-Синь подобрала обронённый Ли Цзюем меч и принялась одного за другим сбрасывать вниз точными, смертоносными ударами.

Но стоило ей снести голову одному варвару, как на его месте тут же выросла следующая. В тот самый миг, когда силы А-Синь уже были на исходе и она едва удерживала рубеж, из-под стен города долетел громоподобный воинственный клич, а из туманной дали к уезду Цзе устремилась плотная, сплошная стена вздымающейся до неба пыли. А-Синь бросила быстрый взгляд вниз. К крепости полным ходом мчалось никак не меньше двадцати тысяч воинов. Она была в полном недоумении. Что это ещё за армия и откуда она взялась?

Облачённые в тяжёлые латы пехотинцы шли монолитным авангардом в первых рядах. Двигавшиеся следом за ними всадники на скаку ювелирно вонзали длинные копыя прямо в

головы чунцзиньцев. Этот стремительный, непредвиденный удар в один миг застал варваров врасплох, и во вражеских порядках мгновенно образовалась глубокая, зияющая брешь.

Загадочное войско, пользуясь паникой, глубоко вклинилось в ряды армии Чунцзиня, дробя их на мелкие части и методично уничтожая отряд за отрядом.

Посреди этого яростного круговорота ближнего боя А-Синь заметила невероятно броского, величественного вороного коня, который бесстрашно летел вперёд, сминая врагов. Сидевший в седле воин был облачён в кольчужный доспех из прочных кованых звеньев, поверх которого развевался роскошный боевой плащ, расшитый сотнями птиц. Серебряный венец на его шлеме ослепительно поблёскивал на солнце. Длинные фазаньи перья на затылке плавно и изящно взлетали в такт его молниеносным выпадам влево и вправо. Морда его скакуна была скрыта под жуткой конской маской в виде лика призрака, внушавшей суеверный ужас и трепет. Казалось, перед ними предстал сам карающий демон, способный пожирать человеческие души.

После очередной серии сокрушительных ударов кровь ручьями брызнула ему в лицо, но всадник даже не подумал утереть её. Он вскинул голову к крепостной стене, и в этот миг А-Синь наконец отчётливо разглядела его лицо.

Это был сын Вэй Луня, Вэй Цзинъань. Родной второй старший брат советницы Вэй Тинсюй.

Вэй Цзинъань описал своим длинным копьём широкий круг в воздухе, и А-Синь со своего места едва ли не физически расслышала оглушительный, свистящий гул рассекаемого ветра.

– За голову каждого убитого разбойника-ху этот господин лично платит сто золотых монет! Предела награды нет! Ну что, братья, уничтожим их?! – обуздывая вздыбившегося боевого коня, Вэй Цзинъань во всё горло взревел к небесам. Стоявшие за его спиной личные отряды семьи Вэй слаженно и втроекратно ответили громоподобным «Убить!». Этот клич потряс сами небеса, мгновенно вдохнув новые силы в израненные остатки защитников внутри города. Зажав кочевников в стальные тиски одновременным ударом изнутри и снаружи, объединённая армия рубилась до самого утра, пока нападающий отряд Чунцзиня не был истреблён до единого человека.

Это сражение далось им невообразимо дорогой ценой. Если бы Ли Цзюй в самый последний момент внезапно не повернул назад и не поднялся на крепостной вал, чтобы своим громогласным призывом выиграть драгоценное время, а следом Вэй Цзинъань вовремя не подоспел со своими войсками на выручку, то уезд Цзе гарантированно пал бы ещё до рассвета. Теперь, когда уезд был спасён, ситуация в Мэнляне, куда, воспользовавшись моментом, всю рвалась основная армия вождя Хаэрцы, стала критической и требовала немедленного вмешательства. А-Синь велела своим доверенным офицерам спешно подсчитать уцелевших воинов и незамедлительно выдвигаться на помощь Мэнляну. Сама же она вернуться туда прямо сейчас не могла.

А-Синь отправилась разузнать о состоянии Ли Цзюя. Командир гвардии Ся Цзин доложил, что

император получил тяжёлое ранение стрелой, вдобавок сильно разбился при падении и сейчас находится в глубоком беспамятстве. Его положение не внушало абсолютно никакого оптимизма.

Именно это и заставило её остаться в уезде Цзе.

Пусть обстановка под Мэнляном и висела на волоске, её немедленный уход означал бы, что она своими руками оставляет беспомощного Ли Цзюя на растерзание семьи Вэй. Ли Цзюй вовсе не был бессмертным. Наверняка, покидая Жунин ради этого похода на передовую, он уже оставил все необходимые распоряжения на случай, если с ним произойдёт непоправимое, и чётко определил, кто унаследует престол. Однако стоит императорской звезде сорваться с небосвода, как вся Великая Юй содрогнётся в жесточайшей агонии. Ожесточённая грызня многочисленных фракций за власть перейдёт в фазу белого каления, что сделает и без того тяжёлую войну с кочевниками абсолютно невыигрышной. Чтобы спасти Великую Юй от неминуемой гибели, сейчас нужно было во что бы то ни стало сохранить жизнь Ли Цзюю. И неважно, остался ли в его груди целый вдох или всего лишь половина, но он обязан был жить, обязан был выстоять до тех пор, пока эта война не завершится и кочевники Чунцзинь не будут временно отброшены обратно в степи.

А-Синь не поехала в Мэнлян, но, к её удивлению, туда во главе своих элитных полков вихрем умчался Вэй Цзинъань.

Впрочем, если пораскинуть мозгами, мотивы появления здесь личной армии Вэй становились ясны как день. Они вовсе не спешили на помощь в самом начале, а выждали идеальный момент, когда обе стороны обескровят и измотают друг друга до предела, чтобы явиться в ослепительном блеске и без труда собрать все лавры триумфаторов. Если они наголову разобьют Чунцзинь на северных рубежах, то тем самым завоюют безграничную преданность и любовь народных масс для Старшей Принцессы Ли Яньи. К тому времени о героической обороне Ли Цзюя никто и не вспомнит. При упоминании Сына Неба люди будут лишь со смешком припоминать тот конфузный случай, когда его, точно глупую птицу, шальной стрелой сшибли с крепостной стены, а в глазах подданных он так и останется никчёмным, бесполезным правителем. А вот то, что Ли Яньи одним коротким приказом двинула войска и напроць смела непобедимых чунцзиньцев, за этот великий подвиг народ будет благодарен исключительно ей.

И всё же у А-Синь просто не оставалось иного выбора. Пока Мэнлян удерживается, пока эта стальная заслонка на горле Великой Юй закрыта и не пускает варваров к столице Жунин, простые мирные жители империи прольют хоть немного меньше слёз и крови.

Вэй Цзинъань ушёл на Мэнлян, но кое-кто другой предпочёл остаться здесь, в разрушенном уезде Цзе.

– Давно не виделись, А-Синь.

Вэй Тинсюй, восседавшая в своём четырёхколёсном кресле, неожиданно возникла прямо за её спиной. Линби и Сяохуа безмолвными теньями застыли позади своей хозяйки.

А-Синь, с ног до головы покрытая запёкшейся кровью, как раз направлялась в покои Ли Цзюя, чтобы осмотреть его раны, когда перед ней явилась Вэй Тинсуй.

На самом деле, в тот период, когда А-Синь жестоко мучилась от подсыпанного «Порошка Фужун», они уже пересекались лицом к лицу, однако из-за помрачения рассудка А-Синь напрочь стёрла тот эпизод из памяти. В её воспоминаниях образ Вэй Тинсуй застыл на отметке пятнадцати-шестнадцати лет. Мрачной, зловещей и замкнутой девчонки. Теперь же, по прошествии четырёх-пяти лет, двадцатилетняя Вэй Тинсуй полностью сбросила с себя былую ауру жуткого замогильного холода, сменив её на мягкую, обволакивающую и ласковую улыбку. Хрупкая, болезненная телесная оболочка осталась прежней, но то удушающее, леденящее чувство тревоги, которое она одним своим присутствием заставляла расцветать в сердцах людей, стало во сто крат сильнее.

А-Синь не имела ни малейшего желания вступать с ней в беседу. Сейчас то, что она вообще умудрялась оставаться в сознании и твёрдо стоять на ногах, уже было сродни чуду. Любая словесная дуэль с Вэй Тинсуй требовала колоссального, ювелирного напряжения ума, а у неё не осталось на это ни физических, ни душевных сил. С трудом переставляя налитые свинцом ноги, она намеревалась просто пройти мимо.

- Её Высочество Старшая Принцесса велела мне передать тебе несколько слов, - обронила Вэй Тинсуй.

Всего одна эта фраза заставила А-Синь на долю секунды запнуться и замедлить шаг. Однако, мгновенно справившись с минутным колебанием, она не стала задерживаться и продолжила свой путь прочь.

Вэй Тинсуй не стала окликать её снова.

Ей вовсе и не нужно было, чтобы А-Синь действительно осталась и выслушала какую-то речь. По правде говоря, Ли Яньи вообще не передавала для неё никаких посланий. Вэй Тинсуй лишь умело использовала эти два священных слова - «Ли Яньи» - чтобы по мимолётной реакции А-Синь безошибочно прочесть тот ответ, который был ей нужен.

- Она не станет тебя слушать, - перед самым их отъездом из Жунина Ли Яньи беседовала с Вэй Тинсуй. - Она тебя презирает так, что видеть не может, и ни за что не станет вникать в твои речи... Хм, впрочем, меня она сейчас тоже ненавидит. Ну и пусть. Пока она удерживает северные рубежи под началом Цзыляня¹, а ты и сестрица Вэньцзюнь помогаете держать оборону, за Мэнлянь можно быть спокойными. Я бы и сама не прочь рвануть на север, чтобы изрубить парочку варваров ради собственного удовольствия, но мне нельзя покидать Жуниин. Стоит мне уехать, как старый лис Се Фучэнь тут же воспользуется моментом для ответного удара, и ваша семья Вэй станет его первой мишенью. Я не могу совершить такую же глупость, как Ли Цзюй, и из-за сиюминутного порыва покинуть Запретный город. Цзычжо, ты ведь понимаешь, что это наш лучший, уникальный шанс.

¹Цзылянь (卞卞) - взрослое имя Вэй Цзиньяня.

По горящему, неистовому взгляду Ли Яньи Вэй Тинсуй безошибочно прочла её сокровенные мысли.

Это был шанс, о котором они грезили во снах. Если они позволят Ли Цзюю вернуться в Жунин живым, то вся их фракция окажется не более чем сборищем непроходимых глупцов и недотёп.

Изначально их план заключался в том, чтобы Чжэнь Вэньцзюнь затерялась в рядах личной гвардии и при первой возможности совершила покушение на Ли Цзюя. Однако за прошедшие месяцы, судя по письмам, которые присылала Чжэнь Вэньцзюнь, ей так и не представилось удобного случая. И как раз вовремя Вэй Цзинъань собрался вести войска на север, тогда то Вэй Тинсуй и решила отправиться вместе с армией.

Вэй Тинсуй всем сердцем тревожилась за безопасность Чжэнь Вэньцзюнь. Ли Яньи прекрасно видела это, но умышленно не стала озвучивать вслух. Однако стоило Вэй Тинсуй выступить в поход, как смертный приговор Ли Цзюю был окончательно подписан.

– Цзычжо, ты слаба телом, а на поле боя царит хаос и клинки не знают пощады. Прошу тебя, поставь собственную безопасность на первое место, – Ли Яньи выделила ей в сопровождение больше сотни искусных лекарей. На бумаге они должны были неотлучно заботиться о здоровье советницы в пути, но разве могла Вэй Тинсуй не разгадать истинный замысел принцессы? Каким бы тяжёлым ни был её собственный недуг, одному человеку ни за что не понадобилась бы целая сотня врачей. Этим жестом Ли Яньи без слов просила её поделиться медиками с А-Синь. Раз так, Вэй Тинсуй решила просто поднести чужой цветок Будде² и отправила всю эту толпу лекарей напрямик к А-Синь для медицинского осмотра.

²Поднести чужой цветок Будде (□□□□ – Цзе хуа сянь фо) – означает совершить благородный или щедрый поступок, сделать подарок или оказать услугу за чужой счёт (использовать ресурсы, предоставленные кем-то другим, чтобы завоевать чьё-то расположение или сделать доброе дело).

Для А-Синь внезапное появление целого отряда лекарей оказалось как нельзя кстати, ведь на передовой все лекари к тому моменту уже погибли, поэтому она незамедлительно распределила прибывших по отрядам для спасения раненых солдат.

Жизнь Ли Цзюя висела на волоске. Несколько старых придворных лекарей пустили в ход все привезённые с собой редчайшие и драгоценные снадобья, буквально силой вырвав императора из лап бога смерти.

А-Синь с облегчением выдохнула. Выходя из покоев, она заметила Чжэнь Вэньцзюнь, которая замерла у дверей, украдкой заглядывая внутрь.

– На городской стене... той, кто сначала удержал Сына Неба, а затем умышленно разжал

пальцы и сбросил его вниз... это ведь была ты, верно? – А-Синь подошла к Чжэнь Вэньцзюнь, увлекая её в самый глухой угол сада при уездной управе, и задала вопрос прямо в лоб.

Чжэнь Вэньцзюнь лишь горько усмехнулась:

– Если даже и я, то что с того? А если не я, то что изменится? С какой стати я вообще должна отвечать на твои вопросы?

– Ты действительно не обязана мне отвечать. Тебе нужно лишь спросить саму себя: если ты и впрямь считаешь, что он заслуживает смерти, то зачем вообще протянула руку и удержала его от падения? – негромко произнесла А-Синь. – Ты ведь прекрасно понимаешь, чем обернулась бы его гибель прямо здесь, на поле боя.

В зрачках Чжэнь Вэньцзюнь промелькнуло мимолётное, но отчётливое колебание. А-Синь не стала больше тратить слова, развернулась и покинула сад.

<http://bllate.org/book/17227/1740256>